

В. В. Горбань
Украина, Одесса, ОНУ им. И. Мечникова

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность рассматривается преимущественно в переводческой литературе в связи с вопросами переводимости ФЕ, сопоставительно-типологических исследованиях при разработке проблем системной или индивидуальной соотносительности фразеологизмов разных языков [5: 15]. Фразеологический эквивалент как сложное языковое явление должен найти соответствующее понятийное определение, в котором прежде всего учитываются и выделяются его внутренние, ведущие стороны, их связи и действия, проверенные в одинаковых условиях. В некоторых более ранних определениях эквивалента, в том числе фразеологического, лингвисты придавали равное значение совпадению всех сторон сопоставляемых единиц [6: 13]. Но подобные совпадения довольно редки, поэтому основным признаком определения межъязыковой фразеологической эквивалентности «следует считать совпадение содержательной стороны соотносимых ФЕ (семантическая валентность). Применительно к анализу двух языков наиболее эффективными в силу своей гибкости и многосторонности охвата представляются концепции межъязыкового фразеологического равенства и классификации фразеологических эквивалентов, созданные А. В. Куниным для решения переводческой проблемы и А. Д. Райхштейном как основа для установления межъязыковой соотносительности, сопоставимости» [5: 21].

Обращение к фразеосистеме мотивируется тем, что ведущим её принципом называют антропоцентричность. Если «лексические средства языка выражают практически всю концептуальную картину мира, то фразеологические

характеризуют, в основном, зоны с антропоморфической семантикой» [7, с.20]. Фразеология описывает полнее всего те фрагменты объективной действительности, которые связаны с характеристикой психологических черт человека, мыслительных процессов, индивидуально-типологических черт личности. Этот факт подтверждает необходимость исследования фразеологической системы в сфере, касающейся человека. Нами выявлен весьма интересный факт: среди безэквивалентных фразеологизмов, характеризующих человека, преобладают называющие отрицательные черты. Вероятно, это можно объяснить законами психологии: отрицательное всегда производит большее впечатление, лучше запоминается, вызывает больше эмоций, в том числе и национально специфических. Данные результаты подтверждают мнение исследователя Л. И. Ройзензона: «Во фразеологии негативно коннотированные поля всегда более мощные (в количественном отношении), чем поля с позитивной коннотацией» [4, с. 18]. Рассмотрим фразеологизмы, имеющие значение «пронырливый, жуликоватый человек; пройдоха». Их довольно много в русском и немецком языках: *гусь лапчатый, малый (парень) не промах, продувная (хитрая) бестия (шельма), на ходу подмётки рвёт (режет, срезает), кока с соком* [1]; *kein X für ein U vormachen, ein Schlaukopf sein, wo Bartel den Most holt wissen, (faust)dick hinter den Ohren haben, ein krümmer Hund*. Данная группа выбрана нами, т.к. в ней фразеологизируются аспекты, которые ассоциируются с довольно яркими культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, здесь представлены культурные коды, хранящие информацию об истории, этнографии, национальном поведении и национальном менталитете, для которого ложь, изворотливость — явления осуждаемые и неприемлемые, не соответствующие этикету этноса и стереотипам поведения. *Гусь лапчатый* говорят о человеке, которому всё сходит с рук. 1. Выражение восходит к тексту заговора: *С гуся вода, а с тебя, дитятко, вся худоба*, а ассоциация с *гусь*

«мошенник, пройдоха» появилась под влиянием оборота *как с гуся вода* и была связана с представлением, что заговоренному человеку не страшны болезни и неудачи. 2. Благодаря тому, что гусь в буквальном смысле выходит из воды сухим (вода скатывается с его перьев), слово «гусь» приобрело переносное значение 'ловкий, плутоватый человек, пройдоха. Это значение реализуется в словосочетаниях: *Ну и гусь! Хорош гусь!* Следует отметить, что оборот *как с гуся вода* вне пословичного контекста является более древним, на что указывает его более широкий ареал в отрыве от его «знахарского» переосмысления: бел. *як с густ вада*; укр. *зиде як вода з гуски*. Это выражение существует также в польском и чешском языках, причём там эти обороты зафиксированы уже с XVI в., т.е. ранее «пословичных» выражений. Такой материал даёт возможность предположить обратное развитие фразеологического образа: от простого, естественного и конкретного образа гуся, с которого легко скатывается вода (из-за особой жировой смазки оперенья), к более сложным ассоциациям. Образ эксплицировался, развёртывался, входя в знахарские и другие фольклорные формулы, пословицы и поговорки. [1, с. 172-173]. И хотя данный фразеологизм является интернациональным, только в русском языке он породил другие: *гусь лапчатый, гусь порядочный (хороший), хорош гусь!*, причём в двух последних семантика расширилась, так говорят о человеке, допускающем предосудительные поступки, нерасторопность, недалёковидность, заносчивость и т.д. *Малый (парень) не промах* — выражение возникло в результате переосмысления прямого значения лексемы «промах». *Кока с соком* — устаревшее, экспрессивное. Образовано от названия старинного кушанья кока с соком — яйца с толчёными семенами конопли. В данном фразеологизме наблюдается весьма интересный перенос значений: 1. «Богатство, достаток». 2. «Что-либо неожиданное, неприятное». 3. «Ирон. Хитрец, проныра, ловкач». Значение «пронырливый, жуликоватый человек; пройдоха» реализуется в немецких фразеологизмах *ein krümmer Hund* («кривая собака»), *wo Bartel den Most holt wissen* («знать, где Бартель приносит молодое вино»), *ein Schlaukopf sein* («быть хитрой головой») —

построен по распространённой модели «прилагательное+голова». Фразеологизм (*faust*)*dick hinter den Ohren haben* («иметь за ушами крепкий кулак»), вероятно, представляет образ вора, которого хозяин украденной вещи хочет ударить.

Интересно рассмотреть и небезэквивалентные фразеологизмы с этим значением. Русский фразеологизм *Лиса Патрикеевна* — немецкий *ein alter Fuchs* («старый лис»). Разница в роде существительного объясняется тем, что в немецком языке слово «лиса» («Fuchs») мужского рода. В немецком фразеологизме используется определение «старый» для указания опытности пройдохи. Русский фразеологизм взят из фольклора, где лиса — символ хитрости, ловкого ума. «Дополнительный» компонент — Патрикеевна — уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Определение восходит к имени литовского князя Патрикея, коварно и хитро посеявшего вражду между новгородцами. Выражение известно с XIV-XV вв. [3, с. 133]. В русском языке зафиксированы и фразеологизмы *старый лис*, *старая лиса* (*лисица*) с пометами устар., презр.

4. Ройзензон Л. И. *Лекции по общей русской фразеологии* / Л.И. Ройзензон - Самарканд: Изд-во Самарк. ун-та, 1973. - 221с.

5. Солодухо Э.М. *Теория фразеологического сближения*. - М.:Изд-во ЛКИ, 2008.-304 с.

6. Толстой С.С. *Основы перевода с английского языка на русский*. - М.:Международные отношения. 1957.-80 с.

7. Spaginska-Pruszek A. *Intelekt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej* / A. Spaginska-Pruszek - task : LEKSEM, 2005. - 299 с.

Литература

1. Бирих А.К. *К истории и этимологии русских фразеологизмов* / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Ф.П. Сороколетов, Л.И. Степанова // *Национальные лексико-фразеологические фонды* — СПб.: Норинт, 1995.-С.115-121.

2. Гвоздарев Ю.А. *Рассказы о русской фразеологии* / Ю.А. Гвоздарев. - М.:Просвещение, 1988.-190 с.

3. Мокиенко В.М. *Славянская фразеология* / В.М. Мокиенко -М., 1989.-196 с.